

*О. И. Кулагин***РЕСУРСНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКОГО РЕГИОНА
В XX В.: ОСНОВА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ИЛИ ПУТЬ В ТУПИК? (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)**

Сегодня в России идет поиск новой модели социально-экономического развития, которая смогла бы прийти на смену сырьевой экономике. Проблема поиска осложняется тем, что сырье по-прежнему продолжает рассматриваться как основной ресурс в торговле с другими странами. Эффективное использование всех видов ресурсов, которыми обладает наша страна, могло бы стать альтернативой в сложившейся ситуации. Изучение исторического опыта использования ресурсной модели социально-экономического развития может стать одним из оснований для выработки оптимальной модели дальнейшего социально-экономического развития многих российских регионов. Особенно это актуально для тех из них, которые исторически сложились и развивались как моноотраслевые. Основой социально-экономического развития Карелии, особенно в XX в., стало развитие отраслей ЛПК, дополняемое тем, что в период с 1940 по 1956 гг. у Карелии, как финно-угорского региона, был статус союзной республики. Сочетание этих двух факторов стало основой ускоренного социально-экономического развития Республики в первые послевоенные годы. В рамках взаимодействия Центра и региона происходил взаимообмен ресурсами. Получая карельскую древесину, государство обеспечивало Республику финансовыми и людскими ресурсами, способствуя формированию и развитию производственной и социальной инфраструктуры. С потерей союзного статуса и по мере всё большего истощения главного ресурса Карелии – леса, в котором государство было изначально заинтересовано, произошло постепенное снижение ресурсного потенциала региона по различным параметрам в сравнении с другими регионами Северо-Запада России.

Ключевые слова: ресурсная модель, финно-угорский регион, Карелия, социально-экономическое развитие, моноотраслевой регион, лесопромышленный комплекс.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-324-335

В условиях современного поиска Россией возможностей перехода к инновационной экономике всё большую актуальность обрели исследования, посвященные поиску моделей эффективного социально-экономического развития [Васин 2005, 18–25] с учетом национальных особенностей и исторического опыта развития. В своих исследованиях последнего времени историки внесли значительный вклад в изучение проблем развития российской экономики как на общегосударственном, так и региональном уровнях. К таковым можно отнести исследования Н. М. Арсентьева [Арсентьев 2019], А. С. Сенявского [Сенявский 2019], В. В. Запария [Зайцева, Запарий 2017], С. А. Баканова [Баканов 2019], Э. Д. Богатырева [Богатырев 2018], С. Ю. Михайловой [Данилов, Михайлова 2018]. Их исследования, основанные на разнообразном историческом материале, существенно расширяют представления о противоречивых последствиях модернизационных процессов для российских регионов. Особенно это актуально для тех из них, которые в силу сочетания географических, природно-климатических, демографических и национальных факторов закрепили в своем развитии различные варианты ресурсной модели модернизации. Для финно-угорских регионов России [Мокшин, Мокшина, Сушкова, Гришаков 2017] проблемы устойчивого социально-экономического развития вышли на первый план особенно с окончанием советского периода, когда государство, ранее обеспечивавшее относительно равномерное и справедливое перераспределение всех ресурсов, перестало в начале 1990-х гг. выполнять данную функцию.

В качестве ресурсов могут рассматриваться все возможности региона, позволяющие с помощью определенных преобразований достичь желаемого результата. Однако «...ресурс – это возможность, которая отнюдь не обязательно станет реальностью» [Ильин 2003, 492–506]. Другими словами, имеющийся потенциал региона не всегда может быть реализован. Его составляющие включают все виды ресурсов: производственные, трудовые, финансовые, социально-инфраструктурные, демографические и природные. В процессе взаимодействия Центра и региона происходит взаимообмен различного рода ресурсами, что в динамике приводит к изменению количественных и качественных ха-

рактических совокупного потенциала региона. Таким образом, ресурсная модель предполагает, что основа социально-экономического развития региона – во взаимобмене ресурсами с Центром.

Основная часть

Специфика социально-экономических отношений между Центром и Карелией на протяжении всего XX в. претерпела ряд изменений. Если в период 1920-х гг. ввиду сочетания ряда факторов регион смог добиться для себя уникальных налоговых льгот, то с началом ускоренной индустриализации 1930-х гг. Центр по отношению к Карелии установил тот вектор одностороннего развития, ориентированного на вывоз необработанной древесины без глубокой её переработки, который со временем трансформировался в «наезженную колею» развития Карелии в последующие десятилетия [Кулагин 2015]. Осуществление такой модели доминирования Центра над регионом предопределило количество и качество ресурсов, которыми они обменивались.

Необходимость скорейшего восстановления страны после Великой отечественной войны поставила перед Советским государством задачу нового экономического рывка. Начать решать проблему восстановления разрушенной войной экономики необходимо было с поиска и освоения леса как одного из самых доступных и дешевых в освоении ресурсов. Близость Карелии к центральным и западным районам страны и транспортным маршрутам, большая чем у других северных лесопромышленных регионов, а также качество карельской древесины предопределили ее место в государственной политике на десятилетия вперед.

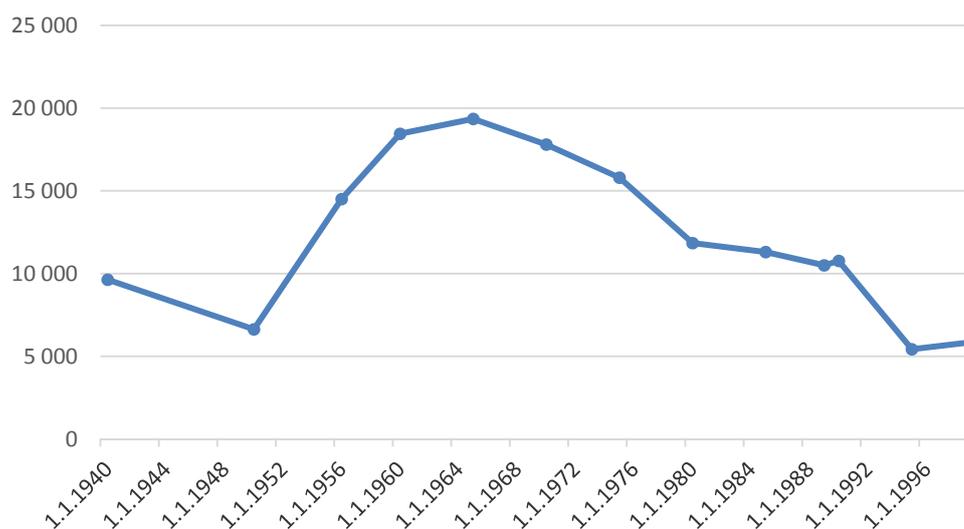

Рис. 1. Вывозка древесины в Карелии, 1940–1999 гг. (млн. кубометров)

Рис. 1 со всей очевидностью демонстрирует, что в период со второй половины 1940-х до середины 1960-х гг. в Карелии шло поступательное увеличение вывозки древесины, при этом преимущественно не обработанной. С середины 1960-х гг. в связи с постепенным исчерпанием лесосырьевой базы леспромпхозов Республики начинают постепенно снижаться объемы вывозки древесины, которые к концу 1990-х сравнялись с объемами первых послевоенных лет. Таким образом, лес стал тем основным ресурсом, который Центр желал получать от региона в ускоренном режиме и не считаясь с долговременными планами регионального развития.

Однако со стороны Центра ресурсный обмен предполагал финансовое стимулирование для активизации производственных процессов. Примечательно, что с точки зрения обмена ресурсами между Центром и регионом именно период конца 1940-х – начала 1950-х гг. стал относительно «золотым временем» для получения Карелией дополнительных капитальных вложений со стороны государства. Пока регион был для государства жизненно важным с точки зрения скорейшего использования его лесных ресурсов, капитальные вложения на жилищное строительство в Республике по Министерству лесной и бумажной промышленности СССР были весьма значительны. Согласно проекту плана централизованных капиталовложений, на 1950 г. по Министерству лесной и бумажной промышленности

СССР Карело-Финская ССР должна была получить 75 млн. р. из общей суммы 670 млн. (или 11,19 %). При этом Республика заняла по этому показателю 2-е место после РСФСР (528,35 млн. р.), опередив все остальные союзные республики [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 158. Л. 56].

Нельзя забывать и о том, что важную роль в вопросе обмена ресурсами между Центром и регионом играл административный статус Карелии. В период 1940 по 1956 гг. Карело-Финская ССР была 16 лет шестнадцатой союзной республикой, что позволяло ее руководству напрямую выходить со своими просьбами и предложениями к руководству страны, включая вопросы бюджетного финансирования. Особенно примечательно в данной ситуации письмо Первого секретаря КФССР Г. Н. Куприянова к Л. П. Берия от 18 декабря 1948 г., где он, ссылаясь на распоряжение И. В. Сталина от 9 октября 1948 г. о создании Комиссии по разработке Постановления о мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в КФССР, указывал на необходимость многократного увеличения капитальных вложений в республиканский бюджет. Обоснованием для такой просьбы стали завышенные показатели и жесткие сроки, установленные государством по вывозке древесины из КФССР, которые должны были к 1953 г. (! – О. К.) достигнуть 20 млн. м³ [ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51. Д. 1752. Л. 32–34].

В 1956 г. после прихода к власти Н. С. Хрущева, который стремился к улучшению отношений с Финляндией и не хотел напоминать финнам о «плацдарме на Скандинавию», Карело-Финская ССР превратилась в КАССР. Переход из статуса союзной республики в статус национальной автономии в системе унитарного советского государства определил в дальнейшие годы постепенное снижение интереса центрального руководства к проблемам развития модернизации региона. Это привело к тому, что в обмен на вывозимый из республики лес и другую лесопroduкцию республика получала взамен тот объем материальных, финансовых и кадровых ресурсов, который был достаточен лишь для поддержания инфраструктуры лесопромышленных предприятий.

Характерно, что к концу 1950-х гг. происходит снижение объемов капитальных вложений в Карелию в сравнении с другими регионами СЗЭР (см. рис. 2). Если в 1958 г. Карельский совнархоз оказался на предпоследнем месте по объемам капитальных вложений, то в 1960 г. Карелия оказалась уже на последнем месте.

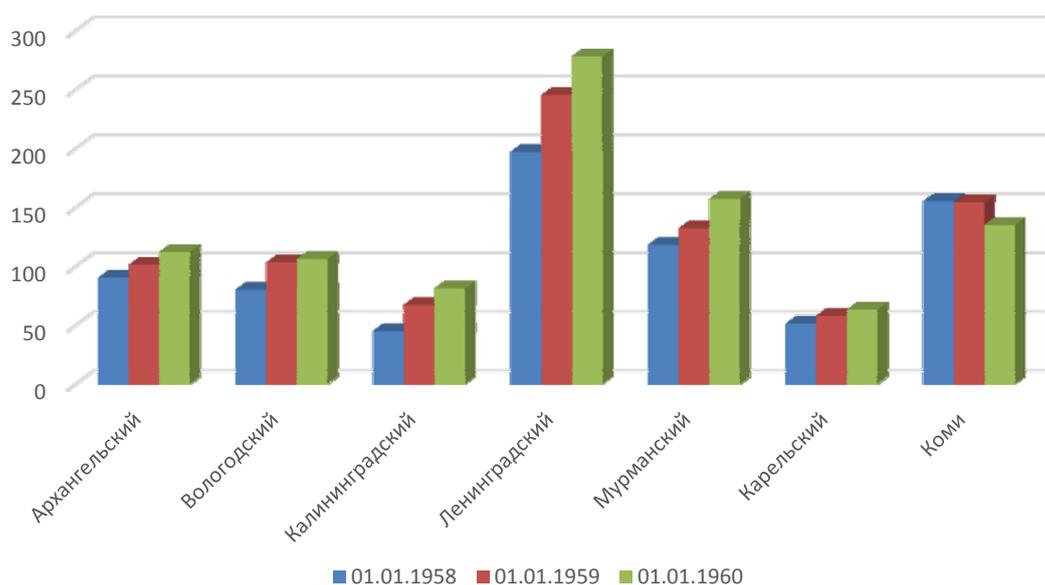

Рис. 2. Объем капитальных вложений по совнархозам СЗЭР (в млн. р.)

К 1970 гг. Карелия сохранила одни из самых низких показателей инвестиции в основной капитал по регионам СЗЭР РСФСР (рис. 3). В 1975 г. Республика имела самый низкий показатель за исключением Псковской области показатель, уступив Республике Коми, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Калининградской, Мурманской, Новгородской областям. В 1985 г. у Карелии оказался наихудший показатель по инвестициям среди всех регионов СЗЭР России (780 млн руб.). В 1990 г. этот показатель был самым худшим, кроме Калининградской области (1,254 млрд. руб.). К 2000 г. по показателю инвестиций Карелия опережала лишь Калининградскую, Новгородскую и Псковскую об-

ласти, которые нельзя назвать развитыми лесопромышленными регионами [Российский статистический ежегодник – 2003 г.].

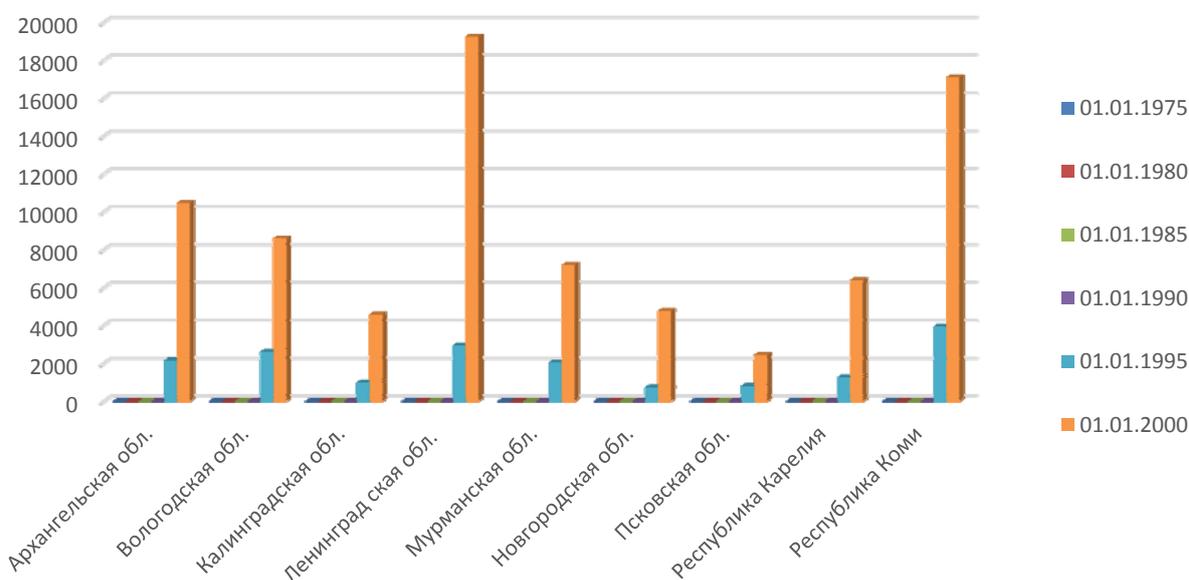

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал по регионам (до 1998 г. млрд руб.; 2000 г. – млн руб.)

Деформации, происшедшие в обмене ресурсами между Центром и регионом, отразились и на показателях социально-инфраструктурного потенциала, важнейшим компонентом которого стали объем и качество жилищного строительства. Главной проблемой здесь стала хроническая неосваиваемость выделявшихся финансовых средств. Предприятиями ЛПК из года в год неудовлетворительно осваивались средства, отпускавшиеся на ремонт жилфонда и культурно-бытовых помещений. В 1948 г. средства были освоены на 36 %; в 1949 г. – на 72 % и 10 месяцев 1950 г. – на 81 %. Отсутствие материальных и временных ресурсов для проведения ремонта приводило к тому, что во многих лесных поселках крыши жилых помещений протекали, печи не были отремонтированы и дымили. Из-за ветхости ремонтировать их было тоже нельзя [НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4350. Л. 3.]. Именно в период 1950-х гг. была, по сути, сформирована основа жилищной инфраструктуры лесных поселков Республики. В это время широкое распространение получили одно-, двух- и четырехквартирные сборно-щитовые дома. Тогда они составляли до 70 % всего жилого фонда лесной промышленности.

В период 1980-х гг. отставание Карелии по объемам жилищного строительства сохранилось. В XI пятилетке в ней было введено в действие 1875 тыс. м² общей жилой площади, и это оказался самый низкий показатель среди всех регионов Северного и Северо-Западного экономических районов РСФСР [Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. ... 223].

К концу советского периода уровень социального развития и материального благосостояния населения Карелии не соответствовал ее вкладу в экономику страны. К 1990 г. Республика занимала одно из последних мест по степени благоустройства жилого фонда. Доля жилья, оборудованного центральным отоплением, водоснабжением, канализацией в Карелии на 10–12 % была меньше, чем в среднем по Российской Федерации. В Республике находилось более 130 лесных поселков, доля благоустроенного жилья в которых составляла всего 15–17 %; 32 % жилищного фонда составляли щитовые дома, построенные ещё в 1950-е гг. [НАРК. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 93. Л. 12.].

В 1990-е гг. при общем снижении объемов жилищного строительства Карелия сохранила одни из самых низких показателей среди северо-западных регионов РФ. В 1990 г. она опередила по этому показателю лишь Новгородскую и Псковскую области. В 1995 г. эта тенденция сохранилась с тем лишь исключением, что теперь показатели Карелии оказались лучше Новгородской и Мурманской областей. К 2000 г. Республика снова опустилась на предпоследнее место среди северо-западных регионов, оказавшись лучше лишь Мурманской области [Российский статистический ежегодник – 2003 г.].

Еще один вид ресурсов, которым государство готово было активно обеспечивать регион, особенно в рамках сложившейся в советской экономике 1930–1950-х гг. системы трудовой занятости, – это демографические ресурсы. Необходимо отметить, что в первые послевоенные годы высокие темпы механического роста населения Карелии были связаны с задачей, поставленной государством: создать

постоянные рабочие кадры для лесозаготовительной промышленности Республики посредством организованного набора и промышленного переселения, использовавшихся и в довоенные годы.

В результате в период с 1949–1955 гг. в леспромызоны Карело-Финской ССР прибыло более 90 тыс. человек. Однако ввиду неудовлетворительных социально-бытовых условий, а также низкой квалификации рабочих, прибывавших в регион по оргнабору и промышленному переселению, высока была текучесть кадров и, как следствие, выбытие населения из-за пределов Карелии, возвращавшегося чаще всего на места прежнего проживания. Если в 1946–1949 гг. в лесную промышленность прибыло около 56 тыс. человек, то уехало более 32 тыс. [История Карелии с древнейших... 692].

Главные причины массового «обратничества» (возвращения на место прежнего проживания) переселенцев были: плохие жилищные условия и тяжелое финансовое положение предприятий, на которых им приходилось работать [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 689. Л. 1–2].

Более того, с конца 1950-х гг. темпы прироста населения в КАССР резко упали. В отличие от послевоенных лет, когда они намного превышали общесоюзные, за семилетку (1959–1965 гг.) они стали ниже, чем по стране в целом. Объяснялось это, во-первых, резким сокращением притока населения извне, а в дальнейшем его механической убылью, и, во-вторых, значительным сокращением естественного прироста населения вследствие понижения рождаемости. В течение ряда лет Карелия продолжала терять свое население. В 1955–1965 гг. (кроме 1956, 1958 и 1964 гг.) сальдо миграции населения было отрицательным, т. е. число выбывавших за пределы Республики превышало число прибывавших [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1121. Л. 130–131].

В период 1970-х – 1980-х гг. естественный прирост населения на 1 000 человек был в среднем выше, чем по северо-западным регионам. Характерно, что если в целом по северо-западу РСФСР существенных перепадов в этом показателе не произошло, то в Карелии с начала 1980-х гг. начинается спад естественного прироста населения. Его можно связать со снижением темпов развития ЛПК, который на протяжении предшествующих десятилетий был главным инструментом региональной модернизации. Начиная с 1990-х гг. резко снижаются показатели естественного прироста населения и в целом по стране, так и в СЗЭР и Карелии. К 2000 г. на фоне отрицательных показателей прироста населения по всем регионам СЗФО Карелия показала в этом отношении 4-й результат. Более отрицательные показатели прироста оказались только у Псковской, Новгородской и Мурманской областей [Российский статистический ежегодник 2003 г.].

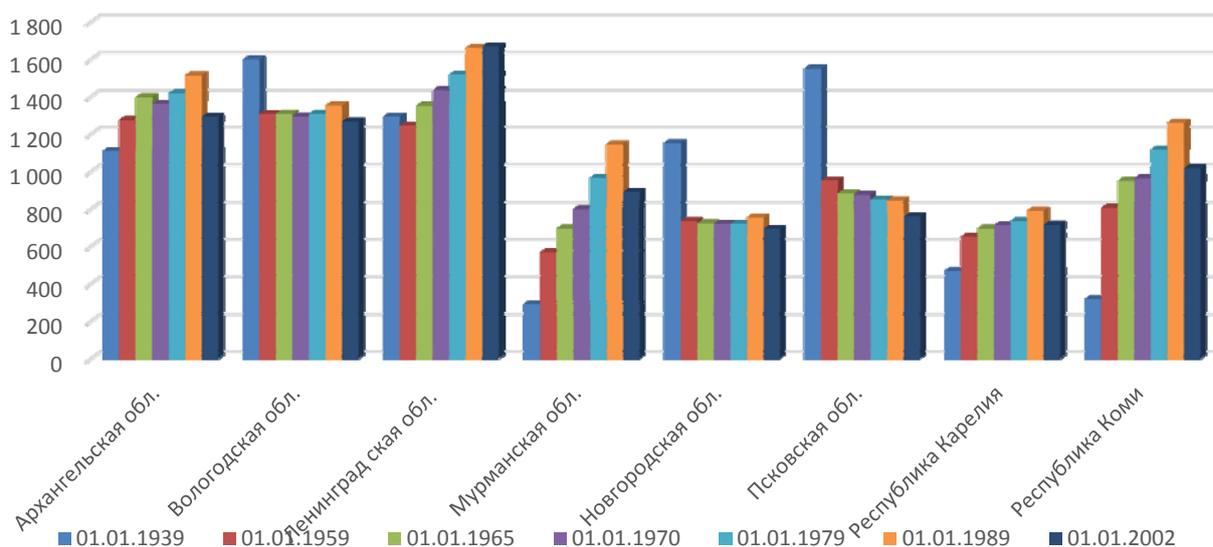

Рис. 4. Численность населения по регионам 1939–2002 гг. (в тыс. человек)

На рис. 4 видно, что динамика изменения численности населения с 1939 по 2002 годы очень схожа у двух традиционно лесопромышленных регионов – Карелии и Архангельской области. Эта динамика характеризуется медленным ростом численности населения в течение всего периода вплоть до конца 1980-х гг. и затем – небольшим спадом в течение 1990-х гг. Разница состоит в том, что по данному показателю Архангельская область почти в 2 раза превзошла Карелию.

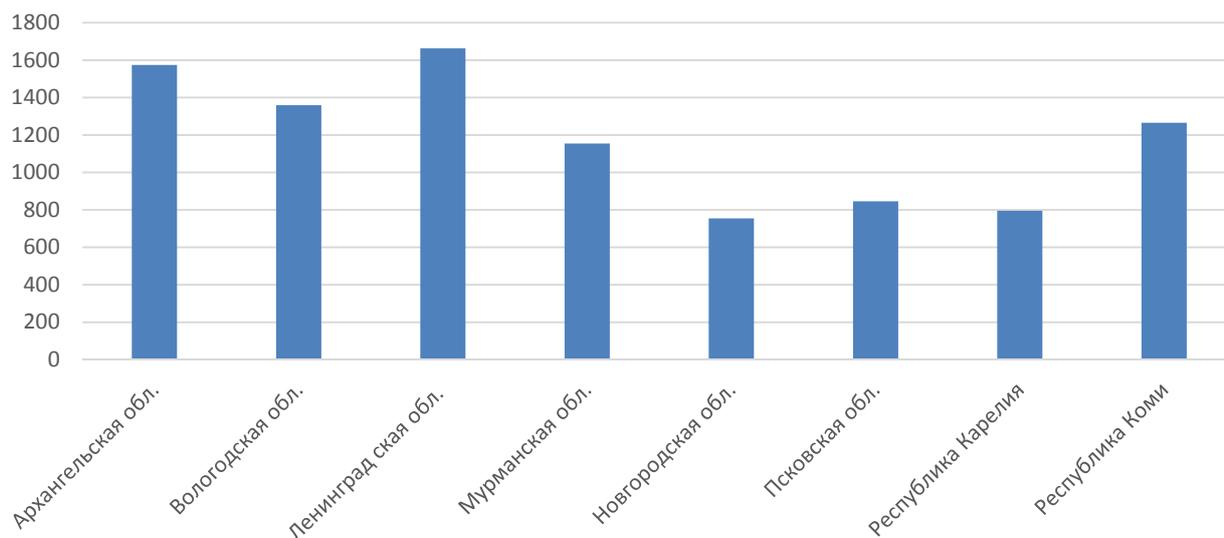

Рис. 5. Численность населения по регионам в 1990 г. (в тыс. человек)

В абсолютных цифрах к концу советского периода население Карелии достигло пикового значения в 1990 г.: 791 719 чел. (рис. 5). На своем демографическом пике Республика явилась самым малочисленным регионом среди территорий СЭР РСФСР (Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Коми республики) [Единая межведомственная информационно-статистическая система].

Особенности формирования демографических ресурсов Карелии в процессе взаимодействия Центра и региона не могли не сказаться на состоянии трудовых ресурсов республики (рис. 6). Если в 1940 г. по численности рабочих и служащих Карелия отставала от таких регионов, как Вологодская, Архангельская, Ленинградская и Новгородская области, опережая Коми АССР, Псковскую, Калининградскую и Мурманскую области, то к 1955 г. по этому же показателю Республика отставала от Вологодской, Архангельской, Ленинградской областей и Коми АССР и опережала лишь Новгородскую, Псковскую, Калининградскую и Мурманскую области [Народное хозяйство РСФСР. 1956 год... 1957, 271].

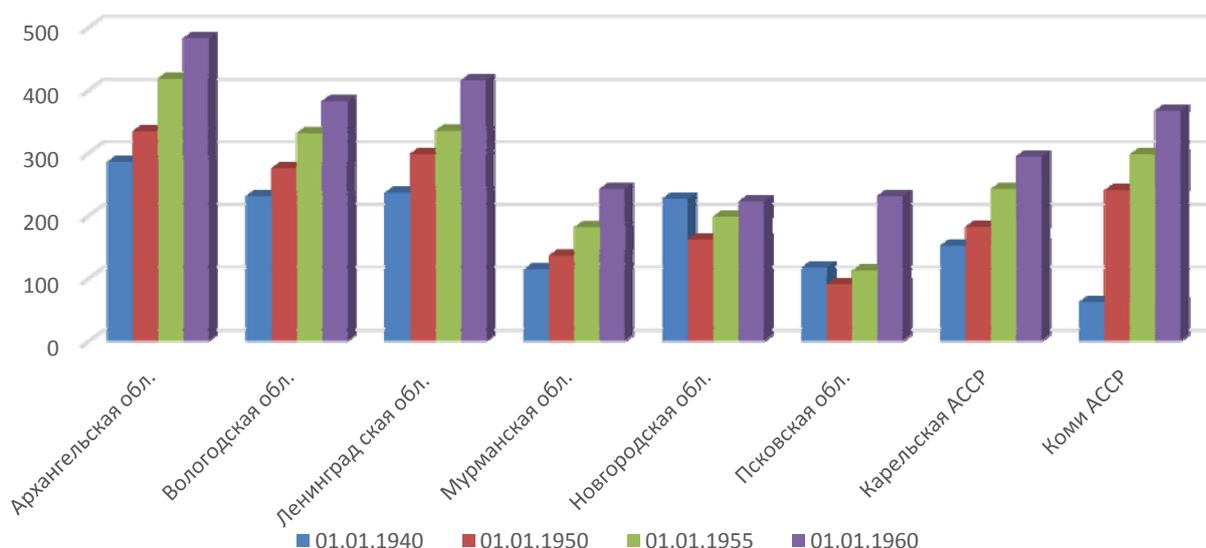

Рис. 6. Среднегодовая численность рабочих и служащих по регионам (тыс. человек)

При этом необходимо учитывать, что на тот момент Карелия имела статус союзной республики. К 1960 г. Карелия, увеличив свой показатель среднегодовой численности рабочих и служащих до 294 тыс. человек, сохранила 5-е место среди 9 регионов СЭР (без Ленинграда), как и в 1955 г. [Народное хозяйство РСФСР в 1960 году... 1961, 399].

В 1980-е гг. среднегодовая численность ППП оказалась у Карелии самой низкой среди всех регионов СЭР (рис. 7). Чуть лучше показатели были у Мурманской области [Народное хозяйство РСФСР в 1990 году... 1991, 111]. Период 1990-х гг. стал временем резкого снижения среднегодовой численности ППП по регионам Российской Федерации. При этом Карелия сохранила последнее место среди всех регионов СЭР [Промышленность России... 2000, 104–106].

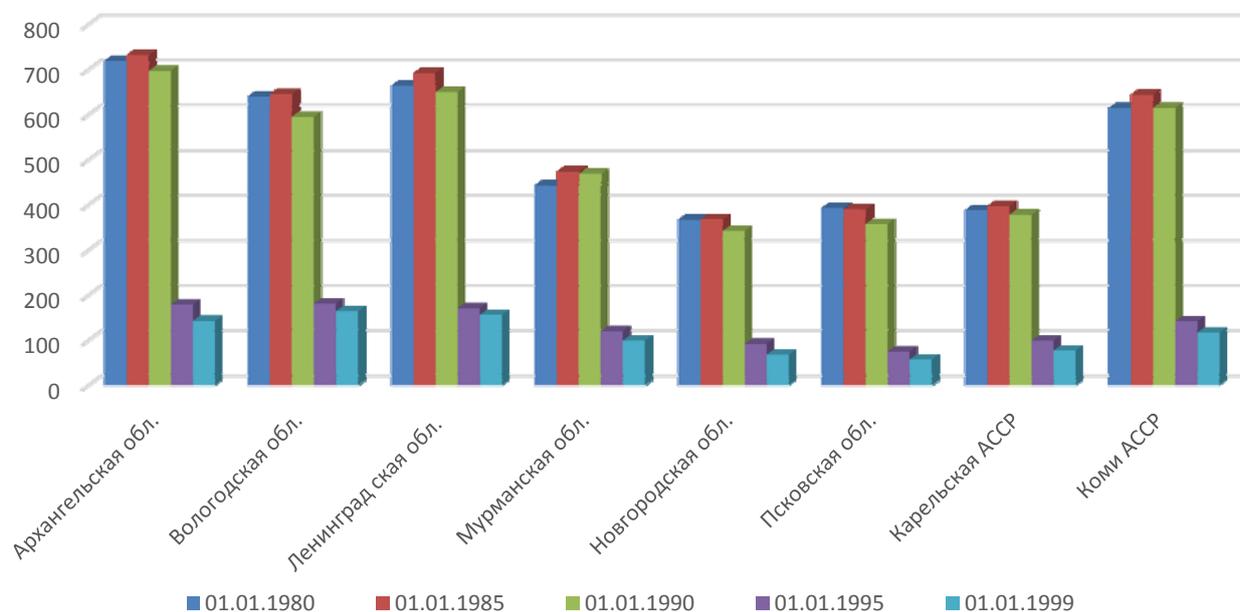

Рис. 7. Среднегодовая численность промышленно-производственного персонала (тыс. человек)

Важным фактором, оказывавшим негативное влияние на численность ППП и на общую ситуацию в региональной экономике в течение десятилетий, было сохранение высокого уровня текучести трудовых ресурсов в региональной экономике и сопровождавших ее прогулов.

Особенно высокой текучесть кадров была среди специалистов с высшим и средним образованием. За 1965 г. из объединения «Кареллеспром» выбыло 153 специалистов с высшим и 513 специалистов – со средним образованием. Особенно высокой была текучесть специалистов в 1965 г. на комбинатах «Севкареллес» – 28,4 %, «Сегежлес» – 22,8 %, в тресте «Кареллесжелдорстрой» – 25,2 %. В том же году на предприятия Кареллеспрома по оргнабору рабочих при плане 5400 человек поступило 3868 человек, что на 100 человек меньше, чем в 1964 г. [РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 124. Л. 21–22.].

Для регионального ЛПК типичной была ситуация переизбытка рабочей силы на предприятиях по причине слабой механизации и сезонности работы предприятий при недостатке кадров ИТР, среди которых продолжалась высокая текучесть. Согласно отчету Кареллеспрома по основной деятельности за 1980 г. среднесписочная численность работников по плану на предприятиях объединения должна была быть 38151, а по отчету оказалась 38426 или 100,7 %. Из них – рабочих: по плану должно быть 22740, а по отчету оказалось 23050, или 101,4 % [РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 141. Л. 77–78].

Важнейший показатель, влияющий на сохранение трудового потенциала, – уровень производственного травматизма. Реализация трудового потенциала региона на протяжении многих десятилетий сопровождалась устойчиво высоким уровнем по данному показателю, особенно, – по травматизму со смертельным исходом.

Согласно статистике за 1950–1955 гг., наибольший процент травм со смертельным исходом был зафиксирован среди кадровых рабочих, а не сезонных. В 1952 г. из 36 смертей в результате производственных травм 83,4 % случаев было среди кадровых рабочих и 16,6 % – среди сезонных рабочих. В 1953 г. количество травм со смертельным исходом резко возросло и составило 53 случая, из которых 96,3 % относились к кадровым рабочим и 3,7 % – к сезонным рабочим. В 1954 г. было зафиксировано 49 случаев со смертельным исходом, из которых 91,9 % относились к кадровым рабочим и 8,1 % – к сезонным. В 1955 г. количество производственных травм со смертельным исходом выросло до пикового на тот момент уровня: 59 случаев, 85 % из которых относились к кадровым рабочим и 15 % – к сезонным [НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 13. Д. 17/146. Л.33]. Приведенные данные позво-

ляют сделать вывод о том, что на данном этапе высокий уровень травматизма со смертельным исходом практически не был связан с уровнем профессиональной квалификации рабочих, а скорее с особенностями реализации технологического процесса.

В 1964 г. число человек, получивших производственные травмы в Карелии с утратой трудоспособности свыше трех дней, составило 10200. Количество травм, повлекших смерть, составило 56. При этом 1964 г. по данному показателю стал лучше предшествующего: в сравнении с 1963 г. число пострадавших на 1000 работающих снизилось с 49 до 43 человек; число смертельных случаев – с 75 до 56 [НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 13. Д. 562/4295. Л. 45].

К концу 1970-х – началу 1980-х гг. процент несчастных случаев на производстве в Карелии, закончившихся смертельным исходом, оставался значительным. В 1980 г. таких случаев в Карелии произошло 46, из них 28 – в промышленности, 5 – в строительстве, 4 – в совхозах. Число несчастных случаев со смертельным исходом увеличилось по сравнению с 1975 г. на 4 (10 %), а по сравнению с 1979 г. – на 6, или 15 %. Значительная часть тяжелых несчастных случаев (согласно официальным документам окончившихся смертью) по-прежнему произошла на предприятиях Минлесбумпрома. В 1980 г. они составили 39 % всех несчастных случаев, окончившихся смертельным исходом в Республике (18 из 46). Основным травмирующим фактором производственного травматизма на предприятиях промышленности и в совхозах явились приспособления, инструменты, машины, механизмы и другое оборудование. На предприятия Минлесбумпрома показатель получения травм при использовании приспособлений, машин и механизмов составил 29 % всех полученных травм. При этом пик производственного травматизма приходился на зиму и лето в разгар лесозаготовительных работ, а явное снижение приходилось на весну и осень, когда работу в лесу из-за плохого состояния дорог приходилось прерывать. Причем тенденции к снижению уровня травматизма со смертельным исходом не происходило даже при изменении общей численности рабочих. Несмотря на то, что по сравнению с 1980 г. в 1981 г. среднесписочная численность работающих увеличилась всего на 0,5 % – с 383 441 до 385 270, количество случаев производственного травматизма со смертельным исходом увеличилось на 20 %: с 46 случаев в 1980 г. до 55 случаев – в 1981 г. [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 20. Д. 201. Л. 106.].

Другими словами, на протяжении десятилетий низкий уровень квалификации при работе с техникой стал одним из главных факторов, способствовавших сохранению значительного процента производственного травматизма и, как следствие, снижению количественных и качественных характеристик трудового потенциала региона.

Важный фактор, повлиявший на демографический потенциал региона, – это особенности заболеваемости и смертности населения под влиянием лесопромышленного профиля региона. Смертность населения по некоторым классам причин смерти в течение всего рассматриваемого периода превышала среднероссийские показатели.

Во второй половине 1940-х гг. главной причиной смерти населения в Карелии стал туберкулез органов дыхания, благоприятными условиями для проявления которого становились частые простудные заболевания, пониженный иммунитет и т. д. Усугубляли эти расстройства социально-бытовая неустроенность, дефицит белков и витаминов в пище, неудовлетворительные жилищные условия, с которыми сталкивались люди, работавшие в лесной промышленности региона в 1940-х – 1950-х гг.

Дальнейшее ускоренное развитие лесозаготовительной промышленности в Республике не могло не отразиться на причинах и показателях заболеваемости и смертности. В 1960 г. число умерших по Республике составило 2811, в то время, как в 1959 г. их было 2875. Однако при этом количество смертельных исходов от болезней органов кровообращения увеличилось. На втором месте оказались смерти от травм, количество которых значительно увеличилось. Третье место заняла смерть от злокачественных новообразований, статистика которой также показала рост. Четвертое место оказалось у смертей от болезней органов дыхания, количество которых несколько снизилось. На пятом месте были смерти в результате болезней органов пищеварения. Количество смертей от туберкулеза снизилось в эти годы [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 296/2460. Л. 117–118]. Во второй половине 1960-х гг. основными причинами смерти населения по-прежнему являлись болезни органов кровообращения, рак и другие новообразования, болезни нервной системы и органов чувств, несчастные случаи, травмы и отравления. Число умерших на 1000 населения во второй половине 1960-х в Карелии увеличилось. Число умерших от указанных заболеваний в 1969 г. составило 3,2 тыс., или 70 % от общего числа умерших [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 792/5672. Л. 8, 12]. Комитетом народного контроля также были зафиксированы и случаи профессиональных заболеваний у лесозаготовителей. На предприятиях Карелеспрома были зарегистрированы случаи заболевания вибрационной болезнью: в 1971 – 0 случаев, в 1972 – 2, в 1973 – 32, в 1974 – 84 случая.

К концу 1970-х гг. заболеваемость инфекционным гепатитом возросла на 48 %. Наиболее высокой оказалась заболеваемость гепатитом в следующих районах, традиционно связанных с развитием регионального ЛПК: Муезерском – 1174 случая, Беломорским – 775, Кондопожском – 728, Суоярвском – 674, Калевальском – 653 на 100 тыс. жителей. Медленно снижалась заболеваемость бактериальной дизентерией. На заболеваемость острыми инфекциями в значительной степени влияла несвоевременная и некачественная очистка сточных вод. Только 44 % выпусков сточных вод не загрязняли водоемы. Данные свидетельствуют, что 80 % хозяйственно-питьевых и 58 % ведомственных водопроводов на конец 1979 г. не соответствовали санитарным требованиям. Смертность населения от инфекционных и паразитарных болезней по сравнению с 1978 г. увеличилась с 23 до 26 случаев на 100 тыс. жителей или на 13 % [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 792/5672. Л. 81–84].

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на протяжении второй половины XX в. в Карелии была реализована ресурсная модель социально-экономического развития. Ее главной особенностью стал взаимообмен различными ресурсами между Центром и регионом. Основным региональным ресурсом, который усиленно эксплуатировался на протяжении всего рассматриваемого периода в основном в интересах государства, был карельский лес.

Уникальность исторического опыта Карелии заключается в том, что это единственный финно-угорский регион, который получил статус союзной республики и позволял ее руководству напрямую взаимодействовать с союзным руководством. Данное обстоятельство в сочетании наличием географически доступной и сравнительно дешевой карельской древесины сделали ее природный потенциал в первое послевоенное десятилетие главным фактором социально-экономического развития. При этом ввиду сохранения заинтересованности государства в карельской древесине регион получал от Центра финансовые и людские ресурсы. В целях ускоренного развития лесозаготовок формировалась значительная часть социально-экономической инфраструктуры. С потерей статуса союзной республики, по исчерпанию лесных ресурсов региона и снижения объемов вывозки древесины заинтересованность государства в дополнительном стимулировании социально-экономического развития Карелии снизилась. Анализ динамики изменений ресурсного потенциала Карелии в контексте развития лесопромышленного комплекса в течение второй половины XX в. позволяет сделать вывод об общем снижении его показателей в сравнении с большинством регионов Северо-Запада страны.

Анализ социально-экономического развития Карелии показал, что влияние ЛПК могло инициировать развитие экономики региона по пути нового модернизационного цикла только при условии ее интенсификации и диверсификации. Современное развитие российской экономики и в масштабах всей страны, и на региональном уровне продолжает характеризоваться активным использованием ресурсной модели. Однако эти социально-экономические процессы сложно назвать модернизационными, так как чаще всего под ресурсами понимается разного рода сырье, которое используется нерационально. Главная рекомендация, которую можно дать органам власти и различным хозяйствующим субъектам на основе проведенного исследования, заключается в необходимости последовательной диверсификации экономики российских регионов в новые ресурсные отрасли товаров. Это должно происходить на основе тесного взаимодействия между ресурсными отраслями и секторами, генерирующими инновации. Только при таком условии ресурсная модель региональной модернизации способна обеспечить долгосрочное устойчивое развитие нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсентьев Н. М. Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск: Издательский центр ИнСтИтут, 2019. 212 с.
- Баканов С. А., Фокин А. А. "А при коммунизме все будет...": государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 420–436.
- Богатырев Э. Д. Транспортная логистика казенной поташной промышленности России в условиях модернизационных процессов конца XVII – первой половины XVIII века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв материалы XIII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2018. С. 16–25.
- Васин С. М. Роль социально-экономических моделей общественных формаций в развитии России // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 18–25.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 51. Д. 1752.

Данилов И. П., Михайлова С. Ю. Общество и региональные проблемы промышленного развития России: современная практика постижения // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 3. С. 1–11.

Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.doc> (дата обращения: 16.06.2016).

Зайцева Е. В., Запарий В. В. Индустриальное наследие как важнейшая составляющая имиджа промышленного региона (социологический анализ) // *Экономическая история*. 2017. № 1 (36). С. 31–35.

Ильин В. Классовая структура: классические концепции и современная Россия // *Отечественные записки*. 2003. № 3. С. 492–506.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX вв. // *Региональные исследования*. 2015. № 1 (47). С. 145–152.

Мокишин Н. Ф., Мокишина Е. Н., Сушкова Ю. Н., Гришаков В. В. Этнография финно-угорских народов. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2017. 176 с.

НАРК. Ф. П-3. Оп. 49. Д. 93.

НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4350.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 296/2460.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 792/5672.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 20. Д. 201.

НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 13. Д. 17/146.

НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 13. Д. 562/4295.

Народное хозяйство РСФСР. 1956 год. М.: Государственное статистическое издательство, 1957. 372 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1960 году: стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1961. 572 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1980 году: стат. сборник. М.: Финансы и кредит, 1981. 406 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1989 году: стат. сборник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 692 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 592 с.

Промышленность России: стат. сб. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2000. 462 с.

РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 124.

РГАЭ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 141.

РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1121.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 50. Д. 158.

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 689.

Российский статистический ежегодник – 2003 г. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm (дата обращения: 13.03.2016).

Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект // *Исторические вызовы и экономическое развитие России материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Екатеринбург, 2019. С. 90–94.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Кулагин Олег Игоревич,

кандидат исторических наук, доцент,

Петрозаводский государственный университет

185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

E-mail: olkulagin@yandex.ru

O. I. Kulagin

**A RESOURCE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF THE FINNO-UGRIC REGION
IN THE TWENTIETH CENTURY: THE BASIS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OR THE PATH TO A DEAD END? (ON EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-324-335

Today in Russia there is a search for a new model of socio-economic development that could replace the raw material economy. The search problem is complicated by the fact that raw materials continue to be considered as the main resource in trade with other countries. Effective use of all types of resources that our country possesses could become an alternative in this situation. Studying the historical experience of using the resource model of socio-economic develop-

ment may become one of the grounds for developing an optimal model for further socio-economic development of many Russian regions. This is especially true for regions that have historically developed and developed as mono-industry. The basis of the socio-economic development of Karelia, especially in the twentieth century, was the development of the timber industry sectors. This feature was supplemented by the fact that in the period from 1940 to 1956. Karelia as a Finno-Ugric region had the status of a union republic. The combination of these two factors became the basis of the accelerated socio-economic development of the republic in the first post-war years. The basis of the socio-economic development of Karelia as a Finno-Ugric region, especially in the 20th century, was the development of the timber industry sectors. As part of the interaction between the Center and the region, resources were exchanged. Receiving Karelian wood, the state provided the republic with financial and human resources, contributed to the formation and development of production and social infrastructure. As the main resource of Karelia, the forest in which the state was originally interested, was gradually exhausted, the resource potential of the region gradually decreased in various ways compared to other regions of the Northwest of Russia.

Keywords: resource model, Finno-Ugric region, Karelia, socio-economic development, mono-sector region, timber industry.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 324–335. In Russian.

REFERENCES

Arsent'ev N. M. *Moskovskoe gornoe pravlenie v istorii rossijskoj industrializacii* [Moscow mountain government in the history of Russian industrialization]. Saransk: InStitut Publishing Center, 2019. 212 p. In Russian.

Bakanov S. A., Fokin A. A. *"A pri kommunizme vse budet...": gosudarstvennoe planirovanie urovnja zhizni sovetskogo cheloveka k 1980 g.* ["And under communism everything will be ...": state planning of the standard of living of a Soviet person by 1980]. *Novejshaja istorija Rossii* [The latest history of Russia]. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 420–436. In Russian.

Bogatyrev Je. D. *Transportnaja logistika kazennoj potashnoj promyshlennosti Rossii v uslovijah modernizacionnykh processov konca XVII – pervoj poloviny XVIII veka* [Transport logistics of state-owned potash industry in Russia in the context of modernization processes of the late XVII – first half of the XVIII century]. *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chtenija. Industrial'naja modernizacija Rossii v XVIII–XXI vv materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Ural industrial. Bakunin readings. Industrial Modernization of Russia in the 18th – 21st Centuries Materials of the 13th All-Russian Scientific Conference]. Yekaterinburg, 2018. pp. 16–25. In Russian.

Vasin S. M. *Rol' social'no-ekonomicheskikh modelej obshhestvennykh formacij v razvitii Rossii* [The role of socio-economic models of social formations in the development of Russia]. *Vestnik UrFU. Serija: Jekonomika i upravlenie* [Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management]. 2005. No. 1. pp. 18–25. In Russian.

State Archive of the Russian Federation. F. 5446. Op. 51. D. 1752. In Russian.

Danilov I. P., Mikhajlova S. Ju. *Obshhestvo i regional'nye problemy promyshlennogo razvitiya Rossii: sovremennaja praktika postizhenija* [Society and regional problems of the industrial development of Russia: modern practice of comprehension]. *Oeconomia et Jus* [Oeconomia et Jus]. 2018. No. 3. pp. 1–11. In Russian.

Unified interdepartmental information and statistical system. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (accessed: 06.16.2016). In Russian.

Zajceva E. V., Zaparij V. V. *Industrial'noe nasledie kak vazhnejshaya sostavlyayushchaya imidzha promyshlennogo regiona (sociologicheskij analiz)* [Industrial heritage as the most important component of the image of an industrial region (sociological analysis)]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. 2017. No. 1 (36). pp. 31–35.

Il'in V. *Klassovaja struktura: klassicheskie koncepcii i sovremennaja Rossija* [Class structure: classic concepts and modern Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2003. No. 3. pp. 492–506. In Russian.

Istorija Karelii s drevnejshikh vremen do nashikh dnei [The history of Karelia from ancient times to the present day]. Petrozavodsk: Periodicals, 2001. 943 p.

Kulagin O. I. *"Effekt kolei" zavisimosti v lesnoj promyshlennosti Karelii kak faktor social'no-jekonomicheskogo razvitiya regiona v konce XIX–XX vv.* ["The effect of the track" depending on the timber industry of Karelia as a factor of social and economic development of the region in the end of XIX–XX centuries.]. *Regional'nye issledovanija* [Regional studies]. 2015. No. 1 (47). pp. 145–152. In Russian.

Mokshin N. F., Mokshina E. N., Sushkova Ju. N., Grishakov V. V. *Jetnografija finno-ugorskih narodov* [Ethnography of the Finno-Ugric peoples]. Saransk: National Research Mordovian State University named after N. P. Ogaryov. 176 p. In Russian.

National Archives of the Republic of Karelia (hereinafter – NARK). F. P-3. Op. 49. D. 93. In Russian.

NARK. F. P-8. Op. 1. D. 4350. In Russian.

NARK. F. P-659. Op. 11. D. 296/2460. In Russian.

NARK. F. P-659. Op. 11. D. 792/5672. In Russian.

NARK. F. P-659. Op. 20. D. 201. In Russian.

NARK. F. R-2716. Op. 13. D. 17/146. In Russian.

NARK. F. R-2716. Op. 13. D. 562/4295. In Russian.

Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1956 g. [The national economy of the RSFSR in 1956]. M., 1957. 372 p. In Russian.

Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1960 g. [The national economy of the RSFSR in 1960]. M., 1961. 572 p. In Russian.

Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1980 g. [The national economy of the RSFSR in 1980]. M., 1981. 406 p. In Russian.

Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1989 g. [The national economy of the RSFSR in 1989]. M., 1990. 692 p. In Russian.

Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1990 g. [The national economy of the RSFSR in 1990]. M., 1991. 592 p. In Russian.

Promyshlennost' Rossii: stat. sb. [Industry of Russia: stat. Sat]. M.: State. com Grew up. Federation of Statistics, 2000. 462 p. In Russian.

Russian State Archive of Economics (hereinafter – *RGAE*). F. 73. Op. 1. D. 124. In Russian.

RGAE. F. 73. Op. 2. D. 141. In Russian.

RGAE. F. 399. Op. 1. D. 1121. In Russian.

RGAE. F. 4372. Op. 50. D. 158. In Russian.

RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 689. In Russian.

Russian Statistical Yearbook – 2003. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm (accessed: 03/13/2016). In Russian.

Senjavskij A. S. *Sovetskaja mobilizacionnaja model' razvitija kak instrument industrial'noj modernizacii i jekonomicheskogo rosta: institucional'nyj aspekt* [Soviet mobilization model of development as an instrument of industrial modernization and economic growth: institutional aspect]. *Istoricheskie vyzovy i jekonomicheskoe razvitie Rossii materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem.* [Historical Challenges and Economic Development of Russia Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Yekaterinburg, 2019. pp. 90–94. In Russian.

Received 25.03.2020

Kulagin Oleg Igorevich

Candidate of History, Associate Professor,

Petrozavodsk State University

Prosp. Lenina, 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

E-mail: olkulagin@yandex.ru